

17/22

ПРЕПРИНТЫ

В. С. Малахов, М. Е. Симон, Д. Э. Летняков
А. С. Мотин, К. С. Юрина, М. Б. Пралькова
А. Р. Васильченко, Е. Ю. Кандаурова

**ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ:
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Малахов В.С., Симон М.Е., Летняков Д.Э, Мотин А.С.,
Юрина К.С., Пралькова М.Б., Васильченко А.Р., Кандаурова Е.Ю.

**Влияние миграционных процессов на трансформации городской среды:
пространственный аспект**

Препринт

Москва 2022

Малахов В.С., Симон М.Е., Летняков Д.Э, Мотин А.С., Юрина К.С., Пралькова М.Б., Васильченко А.Р., Кандаурова Е.Ю. Влияние миграционных процессов на трансформации городской среды: пространственный аспект // Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ – М.: РАНХиГС, 2022.

В последние годы фокус городских исследований в международной академической литературе постепенно переключается с проблемы «этнических анклавов» на создаваемые мигрантами инфраструктуры. Проблема территориально замкнутых мигрантских сообществ в отдельно взятых городах не теряет актуальности, однако фактор расселения перестает быть универсальной объяснительной моделью анализа динамики социальной интеграции. Внимание исследователей все более привлекают рыночная, медицинская, информационная и развлекательная инфраструктуры, в рамках которых представители мигрантских сообществ вовлекаются в построение новых социальных связей без жесткой привязки к месту проживания. В России так же, как и в Европе, мигранты аккумулируют различные ресурсы через трудовые и соседские отношения, а также через участие в общественных организациях. Однако то, как эти отношения локализованы в пространстве российских городов и какие институты их опосредуют, остается пока плохо изученным. Эта работа проливает свет на специфику постсоветского контекста посредством сравнения с ситуацией в западноевропейских мегаполисах.

Ключевые слова: мигрантские пространства, инфраструктура, публичное и непубличное, этническое предпринимательство, расселение мигрантов

Abstract: In recent years, the focus of urban studies has been gradually shifting from the issue of “ethnic enclaves” to the infrastructure created by migrants. The problem of territorially closed migrant communities in big cities does not lose its relevance, however, the settlement factor ceases to be a universal explanatory model for analyzing the dynamics of social integration. The attention of researchers is increasingly attracted by market, medical, information and entertainment infrastructures, through which members of migrant communities are involved in building new social ties without rigid reduction to their place of residence. In Russia, just as in Europe, migrants accumulate various resources through labor and neighborhood relations, as well as through participation in public organizations. However, how these relations are localized in the Russian cities and what institutions mediate them remains poorly understood. This work sheds light on the specifics of the post-Soviet context through comparison with the situation in Western European megacities.

Keywords: migrant spaces, infrastructure, public and non-public, ethnic entrepreneurship, migrant settlement

Исполнители:

Малахов Владимир Сергеевич, доктор политических наук, профессор, директор Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: malakhov-vs@ranepa.ru

Симон Марк Евгеньевич, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: simon-me@ranepa.ru

Летняков Денис Эдуардович, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС. E-mail: letnyakov-de@ranepa.ru

Мотин Александр Сергеевич, младший научный сотрудник Центра теоретической и прикладной политологии РАНХиГС, motin-as@ranepa.ru

Юрина Кристина Сергеевна, магистр факультета политологии ГАУГН, kjurina@yandex.ru

Пралькова Марина Борисовна, магистр МВШСЭН, mss2100095@universitas.ru

Васильченко Алексей Романович, магистр МВШСЭН, mss2100087@universitas.ru

Кандаурова Елена Юрьевна, магистр МВШСЭН, MSS2100090@universitas.ru>

Содержание

Введение	5
1. Основные виды городских инфраструктур, создаваемых мигрантами	10
2. Особенности локализации мигрантских инфраструктур в крупных европейских городах	16
3. Паттерны расселения мигрантов: доступ к социальным и экономическим ресурсам ...	25
4. Мигрантские инфраструктуры в крупных российских городах.....	30
Заключение.....	36
Список использованных источников.....	39

Введение

Актуальность исследования заключается в следующем:

В последние годы фокус городских исследований в международной академической литературе постепенно переключается с проблемы «этнических анклавов» на создаваемые мигрантами инфраструктуры. В европейском контексте этой проблеме посвящены исследования Стивена Вертовека, Карен Шёневальдер, Сёрена Петермана, Марии Шиллер, Сюзан Холл. Проблема территориально замкнутых мигрантских сообществ в отдельно взятых городах не теряет актуальности, однако фактор расселения перестает быть универсальной объяснительной моделью анализа динамики социальной интеграции. Внимание исследователей все более привлекают рыночная, медицинская, информационная и развлекательная инфраструктуры, в рамках которых представители мигрантских сообществ вовлекаются в построение новых социальных связей без жесткой привязки к месту проживания. Как показали недавние исследования российских мигрантоведов (Е. Деминцевой, Е. Варшавера и др.), проблема этнической анклавизации в России пока не стоит столь остро, как во многих западноевропейских странах. Тем не менее, налицо локализация мигрантских инфраструктур в городском пространстве. В России так же, как и в Европе, мигранты аккумулируют различные ресурсы через трудовые и соседские отношения, а также через участие в общественных организациях. Однако то, как эти отношения локализованы в пространстве российских городов и какие институции их опосредуют, остается пока плохо изученным.

Основная цель исследования: проанализировать особенности формирования и локализации трудовой, потребительской и информационной инфраструктур мигрантов в крупных европейских и российских городах.

Основные фундаментальные и прикладные задачи, решаемые в рамках исследования, состоят в том, чтобы:

(1) классифицировать основные разновидности мигрантских инфраструктур и выявить факторы, влияющие на их формирование; (2) показать, как мигрантские заведения и услуги локализуется в городском пространстве (на материале исследований, проведенных в Великобритании, Франции и Германии); (3) проследить взаимосвязи между физическим пространством и пространством онлайн-коммуникации в рамках мигрантских инфраструктур, формирующихся в России.

Объектом исследования является локализация мигрантских сообществ в мегаполисах.

Характерной особенностью миграционного процесса в настоящее время является его глобализация. Большинство стран мира вовлечены в него, являясь иммиграционными или

же эмиграционными. При этом процесс миграции вызывает ряд проблем, связанных с включением мигрантов в принимающие общества. Согласно зарубежным исследованиям, интеграция мигрантов во многом зависит от районов, в которых они проживают, и каким образом они взаимодействуют с окружающей их городской средой. При этом претерпевает изменения и само городское пространство по мере появления и распространения в нем мигрантской инфраструктуры. В российских реалиях эта тема становится особенно актуальной, т.к. существует достаточно ограниченное количество исследований по данной проблематике. При этом Российская Федерация одна из крупнейших стран реципиентов мигрантов в мире [1]. Множество государств сталкивается с миграционными потоками и этими странами выработаны различные стратегии по взаимодействию с мигрантами. Некоторые исследователи даже говорят о национальных моделях, например, французской, британской или немецкой. Такие стратегии основаны на политическом и экономическом устройстве государств реципиентов, политической культуре и традициях нациестроительства, на количестве и характере расселения прибывших. В любом случае, взаимодействие с мигрантами и их интеграция в общество требует детального исследования различных аспектов, связанных с мигрантами. Одним из таких аспектов является феномен мигрантских инфраструктур.

Тем не менее, данная проблематика в большей степени разработана в западной литературе. Так, в начале XX в. была основана чикагская школа социологии ([2-4] и т.д.), которая изучала такие формы расселения мигрантов в городах, как гетто или этнические анклав. В пример можно привести теорию концентрических зон Э. Берджесса. Согласно ей, изначально мигранты селятся в зонах, прилегающих к центру в наиболее запущенных, а соответственно дешевых домах, близко к фабрикам с рабочими местами. В таких зонах образуются гетто. По мере накопления ресурсов мигранты переселяются в районы, не заселенные иммигрантами: зоны «домов рабочего класса», а затем — в пригороды, где жилье еще лучше [4]. Так происходит ассимиляция мигрантов. Дело в том, что во многих американских городах, в отличие от европейских, пригородные районы более престижны, чем центр города.

Однако данная модель подходит не для всех городов. Новые тенденции в виде появления множественных центров расселения, многофункционального зонирования, джентрификации и т.д. изучала лос-анджелесская школа городских исследований [5-6]. Ее представители заметили, что мигранты в США, начиная с 60-х гг. начали селиться в пригородах. Они ввели такие дефиниции для обозначения мест расселения мигрантов, как «этнопригород» или «мультиэтнический пригород».

Нельзя не отметить и вклад в разработку проблемы европейских исследователей ([7] и т.д.). Они предпринимали попытки изучить применимость разработанных в Америке моделей расселения. Например, Л. Форд и его соавторы сравнивали Маленькую Италию в Сан-Диего с Чайнатауном в Триесте и пришли к выводу, что в отличие от США, где начали появляться различные этнические тематические парки, что приводило к росту благосостояния этнических районов, в Европе концентрированное расселение мигрантов, являющееся зачастую результатом социальной напряженности, порождает возражения против «этнического брендинга» и подчеркивания этничности городских районов.

В последние годы особенности локализации мигрантских инфраструктур в европейских городах все чаще описываются в терминах «конвивиальности». *«Конвивиальность»* означает то, как мы понимаем *«совместность»* и, в частности, как мы понимаем, что значит *«жить по-разному»* в обстановке, где встречаются люди разной религиозной, национальной, этнической и расовой идентичности [8]. Конвивиальность проявляется в широком спектре повседневных действий в частной и общественной сферах — готовке и приеме пищи, воспитании детей, одевании, ссорах, праздновании, — каждое из которых может стать местом столкновения этнических, религиозных или расовых различий. Сосредоточившись на конвивиальности, мы можем, таким образом, исследовать, когда, почему и как люди активируют эти категории в качестве демаркационных линий или, наоборот, нарушают их, чтобы преодолеть социальные и культурные границы. Вопрос, который ставят перед собой исследователи в сфере миграции и городского разнообразия, заключается в следующем: при каких обстоятельствах повседневные встречи и занятия становятся конвивиальными?

Аналитическая конвивиальность используется для того, чтобы выявить процессы, которые остаются скрытыми или не поддающимися расшифровке, если мы смотрим на них через призму других понятий, таких как *«интеграция»*, *«ассимиляция»*, *«толерантность»*, *«вежливость»* или *«гибридность»*. Это влечет за собой сосредоточение внимания на *«присутствии»* [9] — близости и связи с другими, — и рассмотрении людей через значения их взаимосвязанности. Вместо того, чтобы спрашивать о добровольных отношениях, в которые люди вступают в различных условиях, или о случайных встречах, таких как встречи в публичном пространстве, которые несут в себе потенциал взаимодействия (включая конфликт), аналитическая конвивиальность связана с присущей людям родственностью.

Хотя аналитическая конвивиальность не ограничивает свой интерес мигрантами и условиями, сформированными миграцией, авторы, которые используют термин *«конвивиальный»* для описания ситуации, обычно опираются на критику *поликультурной Британии* Пола Гилроя [10]. Для Гилроя конвивиальная культура — это культура, в которой расовые

и этнические различия становятся ничем не примечательными и обычными, несмотря на то, что расизм и антирасизм утверждают обратное [11]. Конвивиальность, таким образом, характерна для городских социальных моделей, в которых группы живут в непосредственной близости друг от друга, но таким образом, что их расовые, языковые и религиозные особенности не создают в сумме непреодолимых проблем общения [10].

Следуя этому примеру, различные авторы проблематизируют существование гибридности, мультикультурализма и межкультурных отношений и отдают предпочтение изучению динамических, случайных и мобильных идентификаций и человеческих союзов в районах с большим количеством новых поселенцев [12]. Эти авторы сосредотачиваются на вопросе о том, как переживается единение в сверхразнообразных условиях, когда смешиваются люди разного происхождения и с разным экономическим, правовым и социальным статусом [13]. Этот вопрос указывает как на обеспокоенность по поводу потенциального конфликта, связанного с этнической и расовой принадлежностью, так и на возможности создания единения, которое включает в себя антагонизм. Ученые ответили на вопрос о том, как переживается единение, сосредоточив внимание на жестах вежливости в общих пространствах, рутинных практиках дарения, разговора, обмена и обмена или совместной радости в конвивиальных мероприятиях, составляющих единение. В то же время другие исследователи постулируют, что напряженность не следует подавлять: конфликты должны решаться в открытую, а городское пространство – быть спроектировано таким образом, чтобы поощрять встречи между людьми, чьи позиции и мнения конфликтуют.

Таким образом, в этих предложениях конвивиальность возникает как результат городской сложности и структур возможностей, которые она влечет за собой, которые позволяют встречаться и делают этническую принадлежность менее заметной или даже неуместной в повседневных взаимодействиях. Тем не менее, как напоминает нам Лес Бэк, расизм продолжает формировать социальное неравенство в городской мультикультуре, несмотря на тот факт, что так много людей, очевидно, ежедневно взаимодействуют, преодолевая расовые и этнические границы принадлежности [14]. Так что, когда люди собираются вместе, чтобы выполнить задание, поделиться заботами, обсудить проблемы или просто повеселиться, независимо от их этнического или расового самопонимания, нам следует быть осторожными и не переоценивать роль таких встреч. *«Расизм оставляет глубокие раны»*; [15] неуместность расовой идентичности в некоторых контекстах не делает их неуместными в любом другом контексте. **Возможно, легче преодолеть расовую идентичность, чем различия в классовых позициях, сформированные расизмом.** Расизм делает людей уязвимыми, что нам необходимо учитывать при рассмотрении того, как конфликты могут быть продуктивными для установления мирного образа жизни [16]. Если мы хотим понять этот

парадокс, недостаточно свести конвивиальность к «*другой стороне медали*» конфликта или к «*инструменту*» в преодолении напряженности [17]. Ситуации и пространства не являются «*конвивиальными*» и «*конфликтными*». Скорее, смотреть на ситуации через призму аналитической конвивиальности означает видеть их в равной степени конвивиальными и конфликтными и делать зависимость людей от отношений центром исследования.

Конвивиальность как аналитическая оптика, таким образом, может помочь понять, как люди находят ситуативные и временные общие черты, сходства и консенсус в отношении интересов или проблем в определенный момент времени и в определенном месте. В городских общественных пространствах такой временный порядок обычно достигается за счет безразличия к другим и избегания контактов [18]. Это ситуации, которые никто не помнит, поскольку они часто не несут значения для отдельных людей. Соответственно, их трудно выделить, зафиксировать, описать и понять, и они часто остаются незамеченными в исследовании. В социальных науках нет единого мнения относительно окончательного значения «*гражданской невнимательности*» [19] и такого рода «*безразличия к различию*», а также относительно того, приемлемо ли это с моральной точки зрения. Здесь конвивиальность предлагает новую основу для развития этих дебатов.

1. Основные виды городских инфраструктур, создаваемых мигрантами

Мигрантские инфраструктуры – объекты социальной инфраструктуры (места проведения досуга, получения образования, структуры взаимопомощи) созданные мигрантами и для мигрантов. Мигрантская инфраструктура призвана помочь мигрантам приспособиться к проживанию в чужом городском пространстве, «обжить» его. В зависимости от городского ландшафта, характера миграций и социально-экономического уклада мигрантская инфраструктура может принимать разные формы: компактной концентрации (классический случай – моноэтнические кварталы в США), или дисперсные формы (характерные для городов в РФ). Существует также определённая фактическая разница, соседствующая с дискурсивным единством (и трудовые мигранты, и национальные меньшинства попадают в одну дискурсивную категорию – в категорию этническую) между национальными диаспорами и, собственно, мигрантскими сообществами. На эту разницу и сложные социальные связи между двумя типами сообществ указывают исследователи [20]. Такому смешению этнических и социально-экономических категорий способствовала и нерелективная «примордиалистская» оптика среди людей, принимающих решения [20-21]. Напротив, все больше российских и зарубежных исследователей смотрит на вопросы миграции не как на этнический, но как на сложный социальный феномен, который состоит не только из самих мигрантов, но из ассамбляжей институтов, путей сообщения, рабочих мест, человеческих акторов и нечеловеческого окружения [22]. Таким образом, в результате сложных социальных взаимодействий в мигрантской среде и влияния объективных экономических процессов, носящих глобальный характер [22], в городе возникают новые экономические ниши и ориентированная на мигрантов инфраструктура. В первую очередь, эта инфраструктура существует в сфере потребительских и посреднических услуг.

Для начала следует изучить причины появления мигрантской инфраструктуры *per se*. Любая социальная инфраструктура является проблемно-ориентированной – появляется в ответ на некоторую социальную проблему и вызвана спросом на её решение. Какие проблемы и потребности формируют спрос на мигрантскую инфраструктуру? Исходя из данных исследований, спрос на инфраструктуру вызван потребностями мигрантов в социальных институциях, которые бы служили альтернативой существующим частным или государственным [23]. Частная или государственная социальная инфраструктура часто оказывается недоступна для приезжих – незнание языка, отсутствие некоторых документов, бюрократическая волокита, высокие цены на предоставляемые услуги, ксенофобия или классицизм не дают возможность мигрантам полноценно воспользоваться уже существующими объектами социальной инфраструктуры. Иногда подобной инфраструктуры просто

не хватает. Наконец, мигрантская инфраструктура — это символические пространства безопасности и «нормальности» для приезжих. Взамен государственным или частным институциям мигранты создают собственные низовые альтернативы. В этих условиях доступ к социальным ресурсам фактически определяется социальным капиталом мигранта\его семьи [23]. Спрос на мигрантоориентированную инфраструктуру можно хорошо изучить, если обратиться к проблеме образовательных учреждений – детских садов и школ.

Детский сад и школа – это институты первичной интеграции в общество. Именно с доступом к этим необходимым институтам у мигрантов возникают проблемы. Эти проблемы связаны с разными причинами. Определенную сложность вызывают необходимость сдавать вступительные экзамены или проходить собеседования. Для многих респондентов социальных исследований качество обучения в том или ином заведении коррелирует с количеством мигрантов и детей из низших социальных слоёв, которые будут в этом заведении обучаться [24]. Поэтому частные и государственные школы, которые заботятся о своей репутации и популярности не заинтересованы в приеме детей мигрантов. Кроме того, доступ к образовательной среде открывается только с набором некоторых документов, например прописки [23]. В некоторых районах на образовательные учреждения и так существует слишком большая нагрузка, поэтому в них не хватает мест для детей мигрантов. Эта проблема особенно характерна для детских садов [23]. Ученые фиксируют существование пространственной образовательной сегрегации – даже при отсутствии мест компактного проживания мигрантского населения, некоторые школы имеют непропорционально большое количество детей мигрантов, в то время как в более престижных учреждениях таких детей практически нет [24]. Тем не менее, среди мигрантов есть спрос на образовательные институции – без них невозможно полноценно интегрироваться в социально-экономическую фабрику ткань города. Для удовлетворения этого спроса им приходится создавать собственные объекты образовательной инфраструктуры. Часть из этих объектов работает полу или нелегально и всецело зависит от социального капитала людей, которые организывают подобные учреждения [23].

В современных исследованиях «инфраструктуры приема мигрантов» понимаются как своего рода фундамент, на котором обосновываются прибывающие в те или иные страны и города. Сами же инфраструктуры во многом определяют, каким образом может произойти расселение. Иными словами, они становятся «каналами», через которые будет осуществляться социальная мобильность новоприбывших [25].

Часто в качестве ответа на государственную политику или условия для получения государственного финансирования, или даже в качестве контрмеры против государствен-

ной политики, направленной на ухудшение положения мигрантов и уменьшение доступности для них услуг, предоставляемых государством появляются неправительственные организации (НПО), которые работают с мигрантами на пути оформления документации, интеграции их в европейского общества и/или безопасного возвращения домой [26].

Несмотря на то, что мыслить организацию как привычную инфраструктуру вроде водоканалов, электросетей или железных дорог кажется «контринтуитивным», в урбанистической географии понятие «инфраструктура» включает в себя куда больше, чем исключительно материальные элементы. НПО следует рассматривать как некую совокупность социально-материального, которое связывает административные практики, знания, ресурсы и политику, тем самым оказывает влияние на формирования субъектов и организацию среды, территории поселения [27]. НПО в действительности содержат в себе такие черты: материальная часть состоит из наличия у таких организаций офисов и предоставляемых услуг (например, языковые курсы, распределение на работу), целью которых выступает намерение ускорить интеграцию мигрантов в новом для них месте жительства [28:54].

Одновременно с этим, но за пределами услуг, находятся отголоски национальной политики, локальный контекст и принятый там порядок действий, а также существующие заранее представления о том, что мигранты должны и не должны делать по прибытии. Неправительственные организации, взаимодействующие с мигрантами, представляют собой не только фиксированные инстанции, но и способы передвижения» [28]. Равно как вода может проходить по водопроводу, вновь и вновь прибывающие мигранты проходят через неправительственные организации, становясь их клиентами, конституирующими элементами системы, а в иных случаях даже наемными работниками, оказываясь внутри системы. НПО могут стать проводником для сдвига в привычных практиках, знаниях, ресурсах и политике, которые вместе образуют НПО [28:55]. Государственные инфраструктуры и созданные самими мигрантами переплетаются между собой и неизбежно находятся во взаимном влиянии.

Длительное время в исследованиях вопросах миграции главными и, часто, единственными акторами, вовлеченными в инфраструктуры приема считались государственные и местные администрации. Именно в их компетенции находится построение единой политической линии по отношению к миграции и мигрантам, от них и на данный момент во многом зависит, насколько последовательной и масштабной будет политика по приему и интеграции мигрантов. Тем не менее, государственные акторы, хотя и являются еще основными, уже точно не единственными. НПО интересны с той точки зрения, что в отличие от государственных акторов, они фактически представляют собой гражданские усилия по организации приема и интеграции мигрантов. В то же время, НПО не выступают как представители

всего общества, но являются теми акторами, которые влияют на структуру диалога с политическими силами [29]. Роль НПО как акторов в проведении миграционной политики можно резюмировать в трех основных пунктах, на которые обращает внимание Иррера [30]: во-первых, степень их влияния на политику (локальную, национальную, общеевропейскую); во-вторых, общий вклад НПО в процессы интеграции мигрантов через проводимые ими программы по развитию и, в-третьих, в том, насколько велика их роль в популяризации последующего возвращения мигрантов на родину.

Хотя и известно, что НПО в ряде случаев могут предпринять дополнительные (относительно государственных организаций) шаги навстречу в делах обеспечения доступа к основным необходимым услугам и уважения базовых прав человека для мигрантов, существует недостаточно эмпирических данных о том, какие именно виды услуг могут предоставить НПО мигрантам, которые по любым причинам не подпадают под финансируемые государством программы. Другими словами, нельзя воспринимать как данное, что НПО всегда оказывают поддержку исключительно в пользу миграционных политик, как то могут представлять многие исследования. Некоторые социальные движения и НПО, наоборот, встают в оппозицию к про-миграционной политике и выступают против расширения прав мигрантов без документов и официального разрешения (*irregular migration*¹).

Еще одним лимитирующим аспектом работы НПО, с которым они могут столкнуться, являются условия, при которых они могут вести работу. Местные администрации с одной стороны должны быть продолжением государственной политики, с другой — на них возложены ожидания на локальном уровне наиболее эффективно адресовать проблемные вопросы для постоянных резидентов. Если необходимые услуги не будут оказаны нуждающимся, возникнет нестабильность, небезопасность, у граждан появится ощущение дискриминации меньшинств, а легитимность публичных институтов может ослабиться. В зоне ответственности локальных администраций находится сохранение поддержки от граждан, и их роль заключается в том, чтобы быть «блюстителями» базовых прав человека. Исключение части мигрантского населения может привести к значительным проблемам для местных властей. По этой причине местные администрации обычно стараются предоставить доступ к необходимым услугам, но через делегирование этих задач НПО путем косвенного содействия или прямого финансирования деятельности НПО. К примеру, в Евросоюзе связи между администрациями и НПО уже давно прочно установились, во многом через работу

---

¹ Согласно Европейской комиссии, термин «нелегальная миграция» (*illegal migration*) стоит избегать, т.к. большинство людей, без разрешения пересекающих границу, не являются уголовными преступниками.

спасательных миссий SAR и внутри деятельности ЕСНО. По схожим каналам взаимодействия НПО смогли также выстроить прочные отношения с отдельно взятыми странами-членами ЕС [32].

Что касается связи миграции и развития, то уже широко признано, что денежные переводы, которые отправляют мигранты своим семьям домой, вносят заметный вклад в развитие их родной страны. Политика «со-развития» направлена на контроль процессов миграции и регулирование традиции способствовать тому, чтобы создать привлекательные условия для возвращения капитала (финансового и/или человеческого, социального) в страны, из которых выехали мигранты [33]. Совместные усилия властями страны происхождения и принимающей страны предпринимали попытки перенаправить потоки капитала, созданного мигрантами, в планируемое развитие. Это позволяет говорить о возможностях для перекрёстного исследования вопросов со-развития и миграции и диаспор.

В то же время возникает третий момент, касающийся политики возвращения. С одной стороны, для мигранта считается естественным вернуться в свою страну через какое-то время, с другой — этот момент вызывает наиболее ожесточенные споры. По отношению к этому НПО так же разделяются. Если одни НПО не стараются способствовать возвращению мигрантов в родную страну, исходя из желания помочь и обеспокоенности за их безопасность дома, другие НПО, напротив, сфокусированы на помощи мигрантам в скорейшем свободном и безопасном возвращении в родную страну.

Степень влияния НПО на проводимую ЕС политику касательно мигрантов измерить достаточно сложно. Политика по данному вопросу сильно фрагментирована и вызывает дебаты, особенно учитывая доминирующие позиции ряда государств-членов и влияние на общие межгосударственные интересы. Часто НПО продолжают работу в более привычных сферах оказания помощи. Некоторые постепенно сменяют фокус на интеграцию, анти-расизм или мультикультурализм. Также не последнее место занимают дебаты о том, что получение убежища из вынужденной меры становится очередным «простым» путем в Европу, что может оказать влияние на некоторые НПО, заставив их более строго подходить к оценке нужд мигрантов и быть особенно наблюдательными. Иными словами, как утверждает Иррера, НПО могут занять роль ничем непримечательных негосударственных акторов, превратившись в «сторожевых псов» политики, проводимой ЕС [30:27].

Не последнюю по важности позицию в качестве акторов могут занимать и сами города. Крупные города заинтересованы в привлечении глобального капитала в силу того, что они находятся в постоянной конкуренции между собой за экономическое развитие. В городах, как правило, есть свои режимы управления, планы экономического развития. Появле-

ние т.н. *'sanctuary cities'* вызывает у некоторых политиков и исследователей обеспокоенность, поскольку они считают их угрозой национальному суверенитету [33]. Такие города позволяют расширить доступ для мигрантов, в том числе мигрантов без документов. Реальная степень влияния таких городов на процессы миграционной политики еще не изучена досконально и открывает большое поле для исследований.

Итак, мы отметили основные характеристики инфраструктур приема, особенности связей паттернов расселения и доступности ресурсов для мигрантов. Хотя инфраструктуры приема во многом способствуют более эффективной миграционной политике и ускоряют интеграционные процессы, они могут носить незавершенный характер.

Корни такого впечатления от работы инфраструктур приема находятся в слабой степени взаимодействия акторов с проводимой локальной политикой. Построение каналов взаимодействия и контакта между различными акторами (между государственными администрациями и неправительственными организациями) должно сыграть первостепенную роль для улучшения эффективности инфраструктур приема. Это могут быть совместные программы по интеграции мигрантов в европейское общество, перераспределение зон ответственности.

Исследователи отмечают важность стремления создавать «инклюзивные услуги». Там, где на всех этапах взаимодействуют государственные организации, НПО и, что наиболее важно, участвуют сами мигранты (к примеру, через проведение опросов, консультаций с представителями мигрантского сообщества и меньшинств) [28], получается создать более конкретную официальную стратегию по интеграции и уменьшить возможности для дискриминации меньшинств из части мигрантского населения. В некоторых городах существуют также возможности для включения мигрантов в политический процесс, набирают обороты т.н. *'migrant councils'* (Палермо, Малага).

Часто даже при существовании государственных или городских стратегий по работе с мигрантами, они не исполняются должным образом, поскольку попросту неясны или отсутствуют формы отчетности и контроля эффективности. Поэтому последним (простым и одновременно сложным пунктом) в том, как городская политика и администрации могут способствовать эффективности работе инфраструктур приема, является пункт о необходимости более качественного и постоянного мониторинга темпов и результатов усилий по интеграции мигрантов на местном уровне, разработки адекватных критериев оценки эффективности.

2. Особенности локализации мигрантских инфраструктур в крупных европейских городах

«Мигрантские инфраструктуры» – особые экономические, социальные, культурные и, в конечном счете, политические пространства внутри европейских городов. Такие пространства ежедневно создаются мигрантами и для мигрантов и неизбежно приходят в столкновение с местными городскими инфраструктурами. Это столкновение может принимать форму конфликта, может оставаться незамеченным для его участников, а может – приводить к появлению новых стратегий эффективного и дружелюбного сожительства – эти стратегии, а также их исследования называются конвививальными.

Поскольку наше исследование посвящено особенностям локализации мигрантских инфраструктур в европейских городах, мы начнем с изучения городских пространств и их многообразия, вызванного мигрантами. Мы рассмотрим, к каким тактикам прибегают мигранты, чтобы освоиться в незнакомом европейском городе, как им в этом помогают (или не помогают) мигрантские сообщества, организации, местные жители и государство. Мы также исследуем общественные настроения по отношению к миграции в европейских обществах и то, как городские политики могут способствовать более успешной интеграции мигрантов.

Города представляют собой сложные сети ресурсов, для использования которых требуются знания. Основные городские сети – это транспорт: линии метро, автобусные маршруты или просто улицы, по которым мы ходим и/или едем. Все они имеют разные расписания и маршруты; эти маршруты составляют различные комбинации с бесконечным числом возможностей. Тем не менее, города — это гораздо больше, чем сети: это еще и многослойные хранилища вещей, людей и услуг; они представляют собой раздробленные пространства классово, функционально или этнической сегрегации. Города — это огромные социотехнологические аппараты, сложные и не поддающиеся расшифровке, а также совокупность обыденных и знакомых мест, которые мы посещаем ежедневно.

Представление о том, что использование города требует знаний и навыков, не является новым. Любой, кто впервые путешествовал в другой город, наверняка испытал смущающее чувство незнания того, где находятся те или иные услуги, как далеко друг от друга располагаются нужные места или безопасно ли гулять по тому или иному району ночью. Ученичество обычно обозначает процесс, посредством которого человека учат чему-то практическому. Возможно, такое представление восходит к средневековым гильдиям, где мастера нанимали учеников для обучения ремеслу. Эта метафора, тем не менее, содержит два основных элемента, которые можно развить через понятие городского ученичества: во-

первых, это что-то практическое; во-вторых, это подразумевает отношения, связывающие ремесло и кого-то, кого учат.

Действительно, городское ученичество — это обучение на практике. Мы не учимся прокладывать свой путь через города, усваивая набор готовой информации и применяя ее к повседневным жизненным ситуациям. Скорее, наши практические потребности, наши повседневные задачи и желания направляют нас на исследование городской среды и на поиск в ней ресурсов и опыта [34]. Городское ученичество выдвигает на передний план активную роль самого города в определении того, какие виды знаний и обучения доступны, необходимы и производятся.

Такое понимание городского ученичества во многом обязано дискуссиям о материальной деятельности. Наши тела и практики также истолковываются как ответы на возможности, ограничения и запросы окружающей материи. Представление о городе и его материальном расположении как о неотъемлемых детерминантах того, как горожане познают и используют городское пространство, позволяет более внимательно изучить, как конкретные характеристики городов (такие, как топография, доступность и структура сетей общественного транспорта, функциональное зонирование, культура ходьбы, вождение и т.д.) формируют пространственное поведение людей в дополнение к другим структурным факторам — социальным, таким как класс, раса или пол.

Городское пространство в большей степени, чем среда, формируемая его жителями, также формирует их *«благодаря их практической деятельности внутри и их взаимодействиям с ней»* [35]. В этом смысле можно утверждать, что разные города требуют от жителей использования разных наборов навыков и практических знаний. Никто не ожидает, что в Париже, Лос-Анджелесе, Лиссабоне или Рио-де-Жанейро будут ходить одинаково. Особенности этих городов побуждают горожан (и приезжих) осуществлять повседневные практики разными способами, которые к тому же не являются статичными. Нынешние процессы ускоренных городских изменений свидетельствуют о динамизме мастерства жителей: джентрификация и туристизация, например, могут сильно изменить предложение услуг в определенных районах, доступность и цену жилья, а также социально-экономические характеристики жителей — все факторы, влияющие на то, как и кем используются городские пространства.

С точки зрения исследователя, городское ученичество заставляет задаться вопросом о том, как горожане производят практические городские знания, активно осваивая городское пространство, и, одновременно, как город позволяет своим жителям познавать себя, и в какой степени он познаваем.

Изучение разделенных городов — и их деления — необходимо и своевременно, особенно в контексте глубокого экономического и социального кризиса и обострения неравенства в городском пространстве. Тем не менее, в исследованиях разделенных городов существует тенденция рассматривать городские фрагменты как дискретные территориальные единицы, обычно идентифицируемые как явно различимые городские кварталы: процветающие или бедные, старые или новые, в которых преобладают многоэтажные многоквартирные дома или дома на одну семью и т. д. Хотя это, безусловно, повторяющееся явление во многих частях мира, существует явный риск рассматривать эти линии деления как источники исключительной пространственной дифференциации, особенно в контексте южноевропейских и средиземноморских городов, где социальное использование городского пространства традиционно было смешанным, и различные исторические урбанизмы сосуществовали и делили пространство.

Линии городского деления многочисленны, пересекаются, динамичны и очень редко образуют эксклюзивные пространства (например, социально-экономически однородные кварталы, абсолютное функциональное зонирование и т. д.). Поэтому представляется потенциально продуктивным посмотреть, как эти линии деления приводят в движение экономики знаний, которые регулируют, блокируют или позволяют мигрантам и другим городским жителям знать и использовать одни места, а не другие. Точно так же, сосредоточив внимание на пространственных ноу-хау горожан, мы можем определить, в какой степени они подпадают под такие городские деления, либо же пересекают «границы» фрагментации посредством своих знаний о городских ресурсах.

Рассмотрение городских знаний мигрантов может перекалибровать те способы, которыми социальные научные дебаты ранее отражали более широкие проблемы интеграции мигрантов. Представление о миграции как о сложном опыте, который порождает процессы приобретения специфических навыков, не свойственных местным жителям, может пролить свет на *«находчивость квалифицированных специалистов, которая появляется на улице»* [36] и, таким образом, объяснить более нюансированные, обоснованные и специфичные для конкретного места нарративы интеграции мигрантов.

Очевидно, что миграция также приводит к процессам деквалификации, когда *«существующие или вновь приобретенные рабочие навыки не признаются или когда возможности официального трудоустройства ограничены»* [37]. Эта ситуация обусловлена тем, что европейские образовательные стандарты могут сильно отличаться от стандартов других стран, и даже если подтверждение образования теоретически возможно, на практике оно наталкивается на бюрократические и финансовые сложности. Опыт работы мигрантов из неевропейских стран также может быть недооценен или полностью проигнорирован, что

приводит к невозможности для мигранта найти работу в своей профессиональной сфере и необходимости переквалификации – и почти всегда этому сопутствует понижение социального статуса и уровня дохода.

Через активацию общих городских ресурсов инфраструктура формирует социопро-странственные отношения, предоставляя *«инструменты, с помощью которых люди интер-претируют крупномасштабные изменения»* [38]. Создание средств к существованию на улице множеством мигрантов возникает в результате сложного взаимодействия ограничений и находимых мигрантами обходных путей. Так, группы этнических меньшинств в Ве-ликобритании структурно предрасположены (зачастую из-за ограничений трудоустрой-ства, связанных с расизмом) к формам самозанятости, при этом розничная торговля высту-пает в качестве основного источника средств к существованию мигрантов. Джонс утвер-ждает, что *«многие предприятия иммигрантов существуют довольно ненадежно на обо-чине экономики»*, не имея доступа к финансированию, бухгалтерскому учету и юридиче-ской экспертизе, маркетингу и обучению [39].

Интеграция и модели проживания этнических меньшинств стали серьезной полити-ческой проблемой во многих европейских странах. Этническая сегрегация и пространствен-ная концентрация групп этнических меньшинств обычно рассматриваются как негативные явления, требующие политического вмешательства [40]. Общие аргументы связывают се-грегацию с социально-экономическими аспектами интеграции, начиная от лишений и от-сутствия жизненных шансов. Кроме того, все большее внимание привлекают недавние ар-гументы в пользу социокультурной интеграции. В ряде стран возросла озабоченность по поводу формирования так называемых параллельных обществ, культурно и простран-ственно обособленных групп населения, мало контактирующих друг с другом. Готовность групп этнических меньшинств культурно и территориально интегрироваться в основное принимающее общество ставится под сомнение. Тревога по поводу негативных послед-ствий сегрегации породила различные меры пространственного смешения различных кате-горий населения [41].

В академической литературе отношения между пространственной сегрегацией и ин-теграцией продолжают оспариваться, особенно в странах, где уровень сегрегации низок, а политика социального обеспечения, способствующая социальному равенству, сильна [42]. Ряд ученых также выявили положительные факторы, связанные с этнической концентра-цией [43]. Кроме того, в современном обществе оспаривается важность места жительства для социальных отношений между людьми и возможностей для социального продвижения [44].

Растущее внимание исследователей к моделям проживания этнических меньшинств породило большое количество литературы по этой теме. Можно выделить **три основные теоретические концепции**, объясняющие сегрегацию между группами этнических меньшинств и большинством населения.

Теория пространственной ассимиляции подчеркивает важность продолжительности пребывания в принимающей стране. Согласно теории, модели проживания этнических меньшинств определяются уровнем их **социально-экономической** (*доход, образование, род занятий*) и **социокультурной** (*языковые, социальные отношения и т. д.*) **ассимиляции** [45]. Меньшинства, которым часто не хватает финансовых и когнитивных ресурсов, сначала селятся в самом дешевом и наименее привлекательном жилом фонде и этнических кварталах, которые предлагают им поддержку в новой стране. За время, проведенное в принимающей стране, иммигранты изучают язык и обычаи большинства и способны укрепить свои позиции на рынке труда. Они используют свои увеличенные ресурсы для улучшения своих условий жизни и жизненных шансов, переезжая в районы с лучшими и более обширными удобствами и другим составом жителей. На практике это означает перемещение из этнических районов в районы, где преобладают коренные жители.

В теории пространственной ассимиляции модели проживания тесно связаны с процессом интеграции. Социально-экономическая и социокультурная ассимиляция приводит к пространственному рассредоточению групп меньшинств, что, в свою очередь, считается предпосылкой их более глубокой ассимиляции [46]. Следовательно, постоянное проживание в этнических кварталах считается признаком неудачной интеграции. Позже исследователи поставили под сомнение классическую ассимиляционистскую точку зрения на прямолинейную ассимиляцию. Иммигранты могут, например, экономически интегрироваться в средний класс, но при этом сохранить ценности и солидарность своего этнического сообщества [47].

Поселение в этнических кварталах также объясняется **этнокультурным подходом**, который фокусируется на культурных различиях, а также на социальном и этническом капитале, полученном от проживания с соэтническими соседями. Согласно этому подходу, иммигранты стремятся жить рядом с соплеменниками, чтобы добиться определенных преимуществ. Следовательно, пространственная концентрация в этнических кварталах носит добровольный характер и не обязательно является чем-то, от чего иммигранты будут стремиться «убежать» даже в результате социально-экономического прогресса [48].

Проживание в условиях этнической концентрации предлагает этническим меньшинствам социальные контакты и больше возможностей для сохранения своего языка и культурного образа жизни [49]. Этническая община также может помочь иммигранту в поиске

жилья и работы. Когда концентрация становится достаточно большой, это позволяет создавать *этнические удобства*, такие как магазины, религиозные учреждения и социальные клубы [50]. В целом, знакомая социальная и культурная среда, присутствующая в местах концентрации, снижает психологическую нагрузку, вызванную иммиграцией [51].

В исследовательской литературе желание селиться рядом с соплеменниками для сохранения привычной социальной и культурной среды и образа жизни традиционно связывают с изменениями, с которыми сталкиваются мигранты из сельской местности и коллективистских культур при переезде в городскую среду [52]. Таким образом, пространственную концентрацию этнических меньшинств можно рассматривать в качестве попытки воссоздать традиционный образ жизни, основанный на интенсивном социальном взаимодействии и сложной сети родственных и дружеских отношений [53]. Коллективистский образ жизни воплощает в себе солидарность, взаимопомощь и социальный контроль. Таким образом, зависимость от социальных связей для присмотра за детьми, трудоустройства и социального взаимодействия может сближать и привязывать меньшинства к этнической концентрации. В некоторых случаях выбор места жительства как индивидуальный выбор может даже ставиться под сомнение: **принадлежность к определенной группе может обязывать человека к определенному выбору жилья [50]**.

И теория пространственной ассимиляции, и этнокультурный подход подчеркивают характеристики индивидов (социально-экономические и демографические особенности, этническая и культурная принадлежность, уровень ассимиляции, отношение к интеграции) как детерминанты их этнических жилищных предпочтений. Факторы, не зависящие от собственных действий, качеств или установок иммигрантов, в этих теориях рассматриваются гораздо реже. Третья теоретическая основа, **теория пространственной стратификации**, дополняет вышеупомянутые теории в этом отношении, выдвигая на первый план отношения власти в обществе. Согласно теории, группы большинства населяют наиболее привлекательные жилые районы и используют свое доминирующее положение для сохранения социальной дистанции от этнических меньшинств и других неблагополучных групп. Таким образом, этнические меньшинства сталкиваются с большими ограничениями в реализации своих жилищных предпочтений и чаяний, чем большинство населения [54].

Исключение этнических меньшинств из определенных секторов рынка жилья может происходить в результате **институциональной дискриминации** или расовых притеснений со стороны других жителей. Агенты по недвижимости, арендодатели, банки, предоставляющие ссуды, или государственные жилищные органы могут выступать в качестве привратников, ограничивающих доступ этнических меньшинств к некоторым жилым секторам или районам. Страх расовых притеснений может снизить мобильность иммигрантов по месту

жительства и привязать их к местам этнической концентрации, где они чувствуют себя в большей безопасности и приветствуются [55]. Негативный опыт некоторых людей может повлиять на восприятие и выбор гораздо большей группы [56].

Огромное количество исследований этнической сегрегации показывает, что ни одна из вышеупомянутых теоретических конструкций сама по себе не достаточна для объяснения этого сложного явления. Выбор жилья и модели поведения различных групп являются результатом взаимодействия многих различных факторов, включая местный контекст, который может меняться с течением времени. Кроме того, важно учитывать внутригрупповые различия [57].

Важно понимать, какие формы инфраструктуры для мигрантов задействуются в моменты кризиса и как создаются межкультурные резервы для оказания помощи в условиях жесткой экономии. Необходимо также проанализировать, как связать фрагменты улицы с планетарными процессами миграции и градостроительства. Методология миграционной инфраструктуры расширяется за счет анализа **3-х взаимосвязанных свойств**, включая **историческую глубину** (власть), **социально-пространственную структуру** (материальность) и **локальность** (место):

1. **Историческая глубина** побуждает к анализу того, как глобальные системы власти и регулирования сохраняются при формировании инфраструктуры. Присутствие владельцев на улице связано с территориями бывшей Британской империи и Содружества, а также с более поздними миграционными побуждениями, включая глобальный финансовый кризис 2008 года и политические перестановки в Африке и на Ближнем Востоке.

2. **Социально-пространственная структура** дает представление о том, почему определенные мигранты «приземляются» в определенных частях города, связывая расовые и этнические модели распределения с устойчивыми пространственными морфологиями маргинализации. Это измерение городского анализа подталкивает нас к пониманию того, как материальные аспекты инфраструктуры совместно конституируют социальные отношения. В Бирмингеме и Лестере ряды домов с террасами для малоимущих, исторически построенных для фабричных рабочих и являющихся неотъемлемой частью некогда индустриального ландшафта Великобритании, создают плотную и перенаселенную ткань главной улицы.

3. **Локальность** – Рукери-роуд и Нарборо-роуд можно описать как улицы за пределами центра города в маргинальных, но не явно анклавных районах. Две улицы возникают в тех местах, где предпринимательская деятельность не особенно тщательно контролируется со стороны властей, стоимость земли остается в целом низкой, а официальные усилия

по возрождению там, где они предпринимаются, не блещут. Такие улицы являются инфраструктурой точки опоры, ступенькой или временной заменой — временным выбором новичка в городе [58].

Мы определили несколько основных **конвивиальных инструментов**, которые проявляются в жизни молодых. Мы не утверждаем, что эти качества очевидны у всех участников, но они действительно резонируют и комбинируются по-разному, как мы покажем.

Первый инструмент, который мы хотим выделить, — это **воспитание внимания к жизни мультикультурного сообщества**. В жизни молодых людей мы видим способность слушать, читать и удивляться сложному культурному ландшафту Лондона. Они любопытны и, как мы уже отмечали, иногда смотрят на мир зачарованным взглядом туриста. Такое внимание к повседневной мультикультурной жизни резко контрастирует с тем, что Ноубл пронциательно называет *«паническим мультикультурализмом»* [59]. В локальном контексте термины принадлежности могут быть перерисованы, в результате чего возникает своего рода *«национализм соседства»*, который частично меняет термины. Именно в пространстве повседневной жизни происходят прозаические переговоры с различием через интимную близость, которые часто являются обязательными и необходимыми. Их лучше всего охарактеризовать как *«микрообщественность»*: рабочие места, школы, больницы, колледжи, молодежные центры, спортивные клубы и другие контактные зоны ассоциации, включая общественный транспорт.

Второй инструмент – **способность заботиться о жизни города**. В устных рассказах, фотографиях и произведениях искусства, сделанных молодыми людьми, можно наблюдать это качество. Это напоминает о важном различии между этикой заботы и опасениями параноидальных националистов, которые беспокоятся о потере культуры или о том, что различия захлестнут нас. Это не просто расовое различие, потому что мы все чаще наблюдаем появление сложных иерархий принадлежности, которые просеиваются и ранжируются в соответствии с различиями внутри *«разнообразия»* и где небелые люди включаются в идею *«нас»* или *«мы»* принимающей культуры, которая находится под угрозой из-за присутствия *«их»* — новых иммигрантов в городе мигрантов. Забота об иноязычном лондонском ландшафте и любопытство предлагают альтернативный инструмент для жизни в нем. Жизни многих наших участников иллюстрируют это чувство внимательности и заботы.

Третий инструмент, который мы бы описали как **способность к мирной жизни за пределами местных границ**. Зизи находится дома в Ньюхэме, Лондон, где она также находит следы всего глобального мира, в котором она также может найти себя. Итак, то, что находится под рукой, никогда не бывает просто местническим.

Четвертый инструмент конвивиальности — **сопротивляться удовольствию ненавидеть или обвинять нового незнакомца и следующего в очереди.** Подчеркнутая нетерпимость Зизи к нетерпимости служит яркой иллюстрацией. Пятый и последний инструмент, который мы хотим подчеркнуть, — это **способность устанавливать связи и строить дом в условиях разделения и социального ущерба.**

3. Паттерны расселения мигрантов: доступ к социальным и экономическим ресурсам

Как правило, к мигрантам относят менее экономически обеспеченных переселенцев, которые в том числе переезжают с целью поиска высоко оплачиваемой работы. Они изначально обладают ограниченными ресурсами, едва ли достаточными для улучшения их уровня жизни в европейской стране, в которой обычно цены на жилье и остальное необходимое выше. Страны Евросоюза являются центрами притяжения мигрантов в силу либеральных ценностей принимающих государств, прописанных в законах и уважающих права человека, свободу и равенство, наличия миграционной политики. Однако камнем преткновения, вызывающем ожесточенные дебаты в правительствах и парламентах, становится нарастающая обеспокоенность национальной безопасностью. Во многом в связи с возросшей террористической угрозой после трагических событий политики в Евросоюзе разбились на два противоположных лагеря в вопросе их отношения к приему мигрантов. Важно и то, что имеет место некая градация, по которой политические беженцы в принимающей стране защищены лучше, в то время как трудовые мигранты зачастую рассматриваются как угроза и нежелательные гости, несмотря на наличие законных способов для релокации.

Одна из наиболее острых проблем касается доступа к ресурсам в новом государстве. Несмотря на появление возможности для переезда, возможности полноценной интеграции в европейское общество часто ограничены, ограничен доступ к ресурсам. Может смениться несколько поколений из семьи мигранта прежде чем кто-то из его потомков сможет интегрироваться в средний класс и ощущать себя на своем месте в Европе.

На доступ к ресурсам в новой стране влияют не только изначальные условия, при которых происходит миграция, но и первые шаги, сделанные в новом месте. Районы, которые традиционно занимают прибывающие в страну, сильно отличаются друг от друга. Они могут стать как «пропуском» к новым ресурсам, так и стеной между мигрантами и гражданами страны. То, как устроены инфраструктуры приема мигрантов и само их наличие, чрезвычайно важно для будущего тех, кто поселяется в тех или иных районах.

Актуальные подходы к изучению миграции с ростом этого феномена претерпевали изменения. Если в одной из первых теорий расселения, — теория концентрического расселения по Берджесу [60], — рассматривалась закономерность расселения мигрантов в зонах, прилегающих к центру, в домах в аварийном состоянии (т.е. там, где цены на жилье самые дешевые) и последующее их переселение в дома «рабочего класса» и на окраины по мере накопления ресурсов, то в дальнейшем исследователи [61] обратили внимание на несоответствие этой теории реальности значительного числа глобальных городов.

По мере нарастания несоответствий базовым теориям миграции появлялось все больше подходов, в том числе количественных. Получили распространение т.н. «индексы сегрегации». Такие математические подсчеты почти сразу подверглись критике и детализации, имели значительные недостатки ввиду невозможности ведения достоверной статистики и подсчетов в случае, когда миграция носит временный характер или является нелегальной [62].

Из наиболее современных подходов заслуживают особого внимания институциональный подход в урбанистических исследованиях, объясняющий расселение мигрантов через пространственное неравенство и государственную политику [63]. По параллельной линии развивается подход исследования резидентского выбора и индивидуальных предпочтений: насколько выражено у мигрантов желание селиться и проживать в одном районе с членами своего этнического сообщества и/или в других эмигрантских группах [64].

Значительное число мигрантов обосновывается в экономически неблагополучных районах. Причины, по которым это может происходить, различны и зависят от многих факторов. При первичном прибытии в новую страну, как правило, ресурсы переселенцев ограничены, они в основном не обладают запасами капитала для обеспечения «новой» жизни. Поэтому точками притяжения для них становятся окраины больших городов или наименее обеспеченные районы, поскольку являются единственными доступными по стоимости вариантами для таких семей или отдельных людей.

Хотя исследования процессов миграции чаще всего носят пессимистичный характер, фокусируются на негативных аспектах создания этнических (мигрантских) районов, существуют и преимущества, которые могут возникнуть при проживании в зоне расселения мигрантов [65]. Понимание таких районов во многом сокращается до видения их как «*container space*» [66]. Предполагается, что район и локально доступные в нем ресурсы играют главенствующую роль в определении социальной мобильности его резидентов. Фокус на ближайшем окружении не совсем корректно отображает современное общество, его устои и особенности социальных отношений, которые все активнее выходят за границы места жительства и становятся «транслокальными» или даже транснациональными [65]. Мигранты часто привлекают ресурсы извне их актуального места проживания с использованием социальных сетей, извлекая пользу из транснациональных знакомств и контактов (*transnational networks*) [65], что позволяет им принимать участие и в том, что происходит в их родной стране, и в принимающей стране.

Особняком стоят временные формы миграции, которые сейчас происходят чаще. Этот фактор способствуют постоянному увеличению сети контактов, с которыми взаимо-

действуют мигранты. Нельзя сводить всю социальную активность мигрантов исключительно к району их поселения; эта активность носит многоканальный характер. Таким образом, местные и транснациональные сети контактов выступают в роли благоприятной среды для получения доступа к различным ресурсам.

В дополнение к широкому спектру исследований неблагоприятных районов уделяется отдельное внимание т.н. «этническим анклавам» [67] — территории особого средоточия резидентов, имеющих опыт миграции. Многие исследования приходят к выводу о том, что проживание в таких анклавах может быть длительным препятствием для интеграции, усугубляется эффект дезинтеграции в силу сложной социо-экономической обстановки и плохими жилищными условиями. Сказываются также недостаток человеческого капитала с высшим образованием и трудность создания качественного школьного образования ввиду того, что многие ученики не понимают официальные языки новой страны проживания [68].

Несмотря на ряд существенных минусов и трудностей, которые возникают от поселения в таких районах, исследователи выделяют и плюсы.

В частности, в таких этнических анклавах (также называемых как *'immigrant enclaves'* и *'urban enclaves'*) менее «опытные», мигранты в первом поколении, могут получить определенную поддержку и помощь от более «опытных» мигрантов. Здесь снова важно упомянуть роль социальных контактов, поскольку даже личное взаимодействие на бытовом уровне может помочь мигранту почувствовать себя уверенно на новом месте в результате солидарности с теми, кто уже прошел похожий путь [69]. Например, еврейские поселения на востоке Лондона хорошо иллюстрирует, как простое соседство может быть взаимовыгодным в плане обоюдной поддержки и создания экономической активности внутри мигрантских групп.

Возможность такого взаимодействия ускоряет адаптацию новоприбывших. Новичкам может повезти получить от опытных контакты, необходимые для оформления документов по миграции, найти лучшие курсы по изучению языка или же адреса социальных учреждений, или найти подработку в пределах одного района у своих новых знакомых, но которым они доверяют ввиду общности происхождения и схожего жизненного опыта.

Некоторые районы, получившие известность как первичные пункты приема и расселения мигрантов (например, район Little Italy в Нью-Йорке) с течением времени трансформировались таким образом, чтобы интеграция «новичков» происходила в кратчайшие сроки. Они построены так, чтобы быстро повысить осведомленность о доступных социальных и экономических ресурсах. Одна из важнейших ролей в этом принадлежит местной

администрации. Именно от нее во многом зависит, будут ли сделаны дополнительные усилия по обеспечению доступа к социальным и экономическим ресурсам в зонах расселения мигрантов.

Таким образом, основные преимущества расселения в мигрантских районах заключаются в возможности получения помощи от опытных «коллег» и ускорении интеграции в общество через верно построенную схему адаптации новоприбывших в этих районах. Безусловно, не каждый из районов, даже традиционно получивших известность как зона расселения мигрантов, обеспечивает должный уровень интеграции и доступность к ресурсам. Удачно построенные и эффективные в плане помощи адаптации районы при участии местных администраций скорее являются исключением, чем правилом.

Взаимодействие «новых» мигрантов с более опытными мигрантами, однако, имеет обратную сторону и не всегда приводит исключительно к положительному результату. Работа, полученная в пределах зоны расселения, может стать одной из причин исключения мигрантов из общества страны. Как правило, зарплата, которую могут предложить в таких районах представители своей народности в качестве солидарности не может конкурировать с тем, что предлагается в более благополучных районах. В итоге у людей не остаётся возможностей покинуть пределы своего района, так как они попросту не могут позволить себе это финансово. Они фактически становятся вынужденными «заложниками» своих зон расселения, часто успевая вырастить не одно поколение потомков, так и не переехав в другие районы городов. Нередки случаи, когда мигранты в первом поколении, считая безвыходным свое экономическое положение в новой стране проживания, вкладывают ресурсы в последующие поколения. Основной целью тогда становится обеспечение доступа к образованию своих детей и внуков с расчетом уже на их интеграцию в средний класс европейского общества.

Другой проблемой, с которой могут столкнуться мигранты в первом поколении, является отсутствие каких-либо связующих между этническими районами и реальной жизнью города, в котором район расположен. Такие районы часто становятся забытыми, не участвуют в программах развития городов или находятся в конце «очереди» на благоустройство, которая никогда до них не доходит. Зона расселения ограничивает осведомленность мигрантов о доступных ресурсах, жизнь сосредотачивается в одном районе. Справедливо будет отметить, что в ресурсах, о которых можно узнать через Интернет, содержится достаточно полное и исчерпывающее количество информации, которая может быть полезна мигранту. Большое количество информации в электронном виде создает иллюзию открытости и доступности, в то время как в реальности уровень владения цифровыми сервисами зачастую невысок, особенно среди мигрантов старшего возраста. К этому добавляются еще

сложности в понимании местного европейского языка. Получается, что многие люди, которые являются наиболее нуждающимися, вообще не имеют доступа к актуальной информации, даже если какие-либо ресурсы для помощи в интеграции для них и существуют. Ханхестер и Вессендорф считают, что в таких районах очень важна буквальная видимость доступных сервисов [65]. Хорошо показывает себя наружная реклама для социальных организаций, помогающих мигрантам, для языковых школ и курсов и др. организаций, так или иначе неотъемлемых звеньев цепи адаптации мигрантов к жизни в европейской стране. К примеру, одна из местных библиотек выставит заметные опознавательные знаки снаружи и сделает большие окна, сквозь которые будет видно, что это публично доступное место, предлагающее ряд консультационных услуг [65]. Прозрачность и располагающая к себе атмосфера с большой вероятностью привлечет новоприбывших, для которых эта библиотека может стать важным промежуточным шагом для получения доступа к другим услугам, таким как языковые курсы или консультации по получению социального пособия [65].

В качестве новых черт паттернов расселения мигрантов, Ханхестер и Вессендорф также отмечают, что имеет место прирост числа мигрантов - выходцев из «среднего класса» [65]. Этот факт, несмотря на то, что многие из мигрантских районов по-прежнему остаются неблагополучны, помогает стереть границы дихотомии. Даже если они мигрируют с незначительными запасами финансового капитала, то они сами, будучи образованными и квалифицированными, представляют собой культурный и социальный капитал, что непременно отражается в способах, которыми они могут обеспечить для себя доступ к ресурсам [70].

4. Мигрантские инфраструктуры в крупных российских городах

Российская Федерация одна из крупнейших стран-реципиентов мигрантов в мире [71]. Множество государств сталкивается с миграционными потоками и этими странами выработаны различные стратегии по взаимодействию с мигрантами. Некоторые исследователи даже говорят о национальных моделях, например, французской, британской или немецкой. Такие стратегии основаны на политическом и экономическом устройстве государств реципиентов, политической культуре и традициях нациестроительства, на количестве и характере расселения прибывших. В любом случае, взаимодействие с мигрантами и их интеграция в общество требует детального исследования различных аспектов, связанных с мигрантами. Одним из таких аспектов является феномен мигрантских инфраструктур.

Мигранты, прибывшие в Россию, сталкиваются с множеством проблем. Эти проблемы в свою очередь формируют потребности, создают запрос на их разрешение. Исходя из типов потребностей мигрантов, инфраструктура, удовлетворяющая эти запросы, также должна делиться на некоторые типы. На основе имеющихся источников можно выделить несколько подобных типов: первичной социальной интеграции, жизнеобеспечения и инфраструктура досуга. Рассмотрим каждый из этих типов по порядку.

Инфраструктура первичной социальной интеграции, в первую очередь, направлена на детей мигрантов. В этот тип инфраструктуры входят специальные детские сады, клубы и организации [72], оказывающие помощь в получении дошкольного образования и изучении русского языка, репетиторские или иные услуги, которые поддерживают успеваемость учеников в школах. Данный тип инфраструктуры помогает детям мигрантов адаптироваться к социальным условиям российских городов, даёт родителям возможность работать, пока их дети учатся в подобных институциях, облегчает процессы легальной интеграции в общество. Примером инфраструктуры первичной социальной интеграции могут служить мигрантские объекты, которые описывает в своем исследовании Деминцева [23]. Согласно работе Деминцевой в Москве мигранты из Кыргызстана создали ряд объектов социальной инфраструктуры, нацеленной на предоставление образовательных услуг для детей мигрантов дошкольного возраста – детский сад и клуб. Подобная образовательная инфраструктура не только облегчает жизнь родителям, но и успешно помогает детям частично интегрироваться в российское общество. Как отмечает Деминцева, дети мигрантов, которые посещали занятия в клубах или детских садах, смогли поступить в «престижные» школы

Москвы². Тем не менее, несмотря на посещение подобных объектов образовательной инфраструктуры, дети мигрантов все равно остаются подвержены социальному исключению, из-за нелегального или квазилегального статуса этих институций и в силу бытовой ксенофобии.

Второй тип инфраструктуры – это инфраструктура жизнеобеспечения. Под этим типом инфраструктуры понимается совокупность объектов, которые позволяют мигрантам вести и поддерживать нормальную жизнедеятельность в чуждой среде и предоставляют доступ к номенклатуре благ и услуг, которой мигранты в силу тех или иных причин были лишены. В число объектов «жизнеобеспечения» входят мигрантские клиники, автосервисы и разновидности коммунального жилья. Мигранты, занятые в этих объектах не только оказывают услуги другим мигрантам, но и помогают «понять» город, в котором они находятся – подсказывают как себя нужно вести, объясняют, как добраться из одной точки в другую, разъясняют мигрантам их права и юридическое положение, делятся опытом проживания в мегаполисах [72]. Обратившись к феномену мигрантских клиник в крупных городах можно продемонстрировать, как работает мигрантская инфраструктура жизнеобеспечения. Мигранты, прибывающие в Российскую Федерацию, испытывают проблемы с получением медицинских услуг. Эти трудности связаны с их юридическим статусом, культурной спецификой и низким материальным положением. Хотя многие мигранты прибывают в Россию здоровыми, вследствие низких условий труда и проживания, с которыми они сталкиваются, у них вскоре появляется запрос на оказание медицинских услуг. Государственные и частные клиники не пользуются большим спросом среди мигрантов по многим причинам. Помимо уже упомянутого юридического статуса, это могут быть: культурные или религиозные запреты, специфические нормы, которые предписывают определенное отношение к телу, определенные способы лечения заболеваний, дискриминация со стороны медицинского персонала, нехватка денег или информации о местах предоставления медицинских услуг, незнание языка. Кроме того, среди местного населения также распространена практика посещения «своего», знакомого и проверенного врача, поэтому и институциональные ограничения, и характер исключения, и окружающие социальные практики располагают к созданию специальной медицинской инфраструктуры, которая бы удовлетворяла нужды мигрантов. Такая инфраструктура начала появляться в 2010х годах. Согласно исследованию Деминцевой и Кашницкого [72], первая клиника в Москве была открыта кыргызскими мигрантами в 2010 году на ВДНХ в рамках павильона бывшей Киргизской ССР. Большая

---

² Подробнее про феномен престижности и его связь с мигрантами см. [24]

часть клиник находится в съемных пространствах в бывших индустриальных районах городов. Кроме того, что клиники специально созданы для оказания услуг мигрантам, цены в них дешевле, чем в частных альтернативах – по данным Деминцевой и Кашницкого в среднем на 20%. Персонал, работающий в кыргызских клиниках, также выступают в роли «переводчика» для мигранта, который сталкивается с государственной или частной медициной – они объясняют правила, помогают выписывать лекарства, общаются с российскими медиками. Как мы видим, инфраструктура жизнеобеспечения не только оказывает услуги мигрантам, но и помогает обживать город, делает его понятным для мигрантов.

Последний тип инфраструктуры напрямую связан с предыдущим - функционально, иногда и географически. Инфраструктура досуга создает очаги аутентичного опыта и нормальности в чужом пространстве; иногда объекты этой инфраструктуры располагаются неподалеку от мигрантских клиник или сервисов, как в случае с кыргызской клиникой на ВДНХ. Инфраструктура досуга – это мигрантские кафе, рестораны национальной кухни и клубы. Эти объекты дают возможность получать привычный культурный и социальный опыт, отправлять некоторые ритуальные действия (праздники, свадьбы и т.д.) и получать новые слабые и сильные социальные связи. Досуговая инфраструктура не только предоставляет услуги, но и создает рабочие места для мигрантов, а кроме того служит некоторым аналогом биржи труда – через этнические и профессиональные связи мигранты узнают о подработках или новых вакансиях. Наконец, это места концентрации для мигрантских сообществ. Объекты этого вида инфраструктуры часто организованы вокруг «ядра» [73] - наиболее активной и сплоченной группы мигрантов обладающих сильными связями. От этого ядра расходится паутина социальных контактов, клиентских отношений и линий распространения информации. Чаще всего, досуговая инфраструктура принимает форму этнических кафе или ресторанов, которые готовят традиционные блюда и подходят для организации праздников, и иногда пересекается с мусульманской инфраструктурой – мечетями и молельными домами.

Наконец, важную роль для каждого из типов инфраструктуры играет виртуальное пространство – чаты, форумы и группы в интернете и мессенджерах. Через них мигранты получают рабочую и бытовую информацию, поддерживают слабые и сильные социальные связи, выстраивают реальные сообщества.

Мигранты, прибывающие в Российскую Федерацию, сталкиваются с большим количеством трудностей. Количество и характер проблем зависит от личных факторов, таких как образование или его отсутствие, социальный капитал, достаток, знание языка и других. Однако некоторые категории мигрантов обладают определенным институциональным преимуществом – это мигранты из Кыргызстана, страны-участницы ЕАЭС. Благодаря этому

преимуществу, именно кыргызские мигранты наиболее активны в создании объектов мигрантской инфраструктуры. Ситуация, при которой среди большого количества мигрантов из разных этносов большую часть инфраструктуры создает и контролирует один, позволяет нам изучить характер этой инфраструктуры с точки зрения идентичности: является ли она универсальной или этнической. Несмотря на то, что зачастую мигранты предпочитают взаимодействовать по этническому (в нашем случае языковому) признаку, существует тенденция к использованию мигрантской инфраструктуры всеми мигрантами вне зависимости от этничности. Это отмечают и исследования образовательных институций [23], и изучение клиник [72] и сервисов [73]. Особый, надэтнический характер приобретает рыночная культура. Несмотря на то, что многие из рынков имеют репутацию этнических и часто называются в честь того или иного этноса, рыночные пространства, как показывает в своих работах Дятлов, становятся местом пересечения для людей разного этнического происхождения и работают не на этнических началах, но на сетке товарно-денежных отношений и социальных договоренностей между участниками торга. Именно связи и профессиональные навыки играют роль на городских рынках. Если рассматривать упоминавшийся пример кыргызских образовательных клубов и детских садов, то для них характерен паттерн постепенной трансгрессии от этнических, до надэтнических, общемигрантских институций. Этот процесс носит неформальный характер – люди разного этнического происхождения, объединяемые одной проблемой, например незнанием языка или необходимостью оставить ребенка под присмотром на время работы, приходят в одни и те же объекты. Постепенно вокруг таких объектов формируются сети из знакомых людей различного происхождения, оказывающих друг другу взаимопомощь. Иногда надэтнический характер мигрантской инфраструктуры обеспечивается при помощи костяка из старых мигрантов, знающих несколько языков, в других случаях мигрантская универсальность поддерживается за счет мигрантов, хорошо знающих русский язык и имеющих высокий уровень социального капитала, например, врачи или учителя. Социальный капитал, определяемый как количество слабых и сильных связей с местными жителями и институциями особенно важен для организации инфраструктуры, которая часто существует или в серой юридической зоне и поэтому нуждается в договоренностях с резидентами города, или для её успешного функционирования нужны налаженные связи с государственными либо частными институтами (это, в первую очередь, относится к клиникам). Надэтническая составляющая также поддерживается при помощи мусульманских институтов – исламские общины в крупных городах не только место встречи, которое поддерживает связи между участниками сообществ, но и совместная практика в молитве, обрядах или прогулках вокруг мечетей и примыкающих улиц.

На появление и характер мигрантоориентированной инфраструктуры влияет само городское пространство. Характерная особенность российских городов это неоднородность: городские пространства испещрены разрывами между районами или социально-экономическими кластерами. Например, в Москве есть как индустриальные или «гипериндустриальные» районы, так и спальные или сервисные пространства. Районы не обладают чёткой идентичностью, чаще всего городское пространство рассматривается в терминах «престижа», а главным фактором в выборе жилья становится близость к рабочему месту или доступность. Объекты сферы услуг – главного поставщика рабочих мест для мигрантов [74] – рассеяны по всему городу, поэтому вместе с рабочей текучкой мигранты часто меняют места жительства, чтоб держаться поближе к своей работе. Согласно исследовательским материалам, две трети мигрантов, тратят на дорогу максимум 30 минут [75], причем, как правило, работа находится в пешей доступности. Влияет и характер градостроительного процесса в крупных городах. Для возведения новых построек часто привлекают именно мигрантов, а новые блоки многоэтажных домов образуют своеобразные анклав, отрезанные от остального городского пространства. Зачастую, в этих новых районах есть нехватка социальной инфраструктуры – ещё одна причина, которая повышает спрос на мигранто-ориентированные социальные объекты. Старые многоквартирные дома советской постройки были организованы в микрорайоны с административным или связанным с рабочим местом принципом распределения жилого фонда [75], а новые постройки составляют спальные массивы – в обоих случаях отсутствует пространственная сегрегация по классовому или этническому признаку. Стоит отметить, что некоторые мигранты не только не имеют постоянного места жительства, но и вынуждены проживать в нелегальных общежитиях или коммунальных пространствах, которые организуют в подвалах или пустых помещениях компании работодатели [75]. По причине постоянной перемены мест жительства и рабочих мест, в крупных российских городах не формируются места компактного проживания мигрантов, не появляются моноэтнические кварталы. Тем не менее, в некоторых городах в силу социально-экономической специфики возникает концентрация большого количества объектов мигрантской инфраструктуры в отдельных районах. Таким примером может служить вернакулярный район «Иркутский» в Томске [74]. Популярность этого района у мигрантов обусловлена спальным застройкой и низкими ценами на жилье. В районе большое количество мест работы в сфере услуг и съемных площадей, которые подходят как под жилье, так и под инфраструктуру ориентированную на мигрантов. В этом же районе находится и центр помощи в оформлении документов, и миграционный центр. В выборе места жительства мигранты руководствуются следующими параметрами [74]: знакомый район, где

он уже проживал; близость родственников; доступность инфраструктуры; наличие мечети или высокой концентрации земляков в районе.

Мигранты, приезжающие в Российскую Федерацию, сталкиваются с рядом проблем и исключений, которые создают спрос на организацию мигрантоориентированной инфраструктуры. Эта инфраструктура делится на 3 типа: социальной интеграции (образовательные институции), жизнеобеспечения (клиники и сервисы), досуга (кафе, рестораны, клубы). Паттерны расселения мигрантов и создания инфраструктуры завязаны на экономическую деятельность. Примеры компактного расселения мигрантов в крупных городах отсутствуют, что связано с планировкой городов и социально-экономическими условиями. Инфраструктура приобретает форму надэтнической, она нацелена на обслуживание людей с мигрантской «идентичности» как таковой. Таким образом, мы можем сказать, что мигрантская инфраструктура, как и мигрантские сообщества, - это не этнический, а социально-экономический феномен, что подтверждается характером функционирования «этнических рынков» в сибирских городах, московской мигрантской инфраструктуры и «мигрантских» районов в Томске. Мигрантские сообщества существуют поверх географического пространства и этнических категорий, воплощаясь, прежде всего, в сильных и слабых социальных связях и в виртуальном пространстве мессенджеров и форумов, в экономических и социальных практиках.

Заключение

Исследование особенностей локализации мигрантских инфраструктур в европейских городах неизбежно включает в себя изучение таких аспектов, как повседневный опыт мигрантов, особенности их пространственной ассимиляции, транзакционные экономики, которые они создают, конвивиальные стратегии, а также политические и социальные условия, в которые они поставлены.

Дискриминация, с которой сталкиваются мигранты, имеет как расовую, так и социальную, а также политическую природу: языковой барьер, сложности с выбором места жительства, деквалификация, антииммиграционное законодательство. Европейские города становятся пространством взаимодействия множества культур и идентичностей, и сделать это взаимодействие мирным и эффективным помогают инструменты конвивиальности.

Конвивиальность вписана не только в повседневные поведенческие практики мигрантов и местных жителей, но и в само пространство исследования миграции. Конвивиальное исследование отвечает множеству условий, в первую очередь – исследователю необходимо опираться на опыт самих мигрантов, предоставить им возможность говорить от первого лица, сделать их голоса отчетливыми и различимыми.

Наиболее эффективными стратегиями конвивиального исследования являются те, которые не отрицают и не игнорируют неизбежную социальную напряженность, связанную с мультикультурализмом, а высвечивают ее и пытаются охватить ее причины, а также показать пути выхода. В конечном счете, личное становится политическим, а единичные голоса мигрантов превращаются в политически организованные высказывания.

Анализ социально-пространственной сегрегации мигрантов во Франции продемонстрировал её роль в городских восстаниях в период с 1981 г. по 2005 г. В результате проведённой работы было выяснено, что пригороды крупных французских городов сегодня характеризуются высоким уровнем безработицы, особенно среди молодёжи, бедности и преступности. Из-за отдалённости от городского центра, неразвитости инфраструктуры – в первую очередь транспортной, – низкого уровня оказания государственных и муниципальных услуг данные районы превратились в замкнутые сообщества, изолированные от внешнего мира. Развитие этих районов и борьба с социальным неравенством их жителей уже давно находятся в числе приоритетных вопросов городской политики французских властей.

Но ситуация осложняется тем, что большинство жителей пригородов составляют мигранты из стран Африки и Ближнего Востока. И несмотря на то, что французская модель интеграции мигрантов принципиально не берёт во внимание этнический принцип, стараясь

привить им и их детям общенациональные – надэтнические – ценности избежать конфликтов на этнической почве не всегда удаётся. В основе политики развития неблагополучных районов лежит пространственный принцип, а не этнический, т.е. городские власти стремятся реинтегрировать пригороды в городскую среду в целом, без учёта культурно-этнических особенностей их жителей. Декларируемые на словах принципы надэтничности на деле оборачиваются институционализированным расизмом, проявляющимся в дискриминации при приёме на работу (даже если кандидат обладает французским гражданством), слабым уровнем школьного образования в пригородах, предвзятым отношением в университетах, произвольными проверками полиции и т.п. Враждебное отношение социальной системы Франции, не сумевшей до конца избавиться от своего колониального прошлого, к мигрантом выталкивает их на периферию общественной жизни. Данные тенденции весьма устойчивы и ведут к ещё большей замкнутости жителей пригородов. Фрустрация обитателей неблагополучных районов, вызываемая разницей между обещаниями политиков из далёких центров и окружающей реальностью, становится благоприятной почвой для социальных волнений, которая поддерживается социально-пространственной сегрегацией.

Крупные города России ввиду большего количества возможностей для заработка являются центрами притяжения мигрантов из постсоветских стран. В процессе поиска работы и места жительства мигранты активно используют неформальные сети и связи – деловые, клановые, семейные и земляческие, а также формальные структуры в виде различных национально-культурных организаций и посреднических фирм (микрокредитные организации, агентства недвижимости, компании, оказывающие помощь в оформлении документов и т. д.).

На основе анализа различных исследований последних лет можно сделать вывод о том, что современными российскими исследователями дается неоднозначная оценка степени равномерности расселения мигрантов в крупных российских городах. Так, если представители Национального Исследовательского Томского Государственного Университета, а также В. Пешкова и Е. Деминцева не выявили сформировавшихся «мигрантских кластеров», то группа исследователей из РАНХиГС, а также Е. Бедрина говорят о том, что в настоящее время складываются места, где мигранты преобладают – это преимущественно районы, в которых располагаются крупные оптовые рынки, такие как Котельники в Москве, Сортировка в Екатеринбурге и КрасТЭЦ в Красноярске. При этом, мигранты селятся чаще всего в жилье эконом-класса в различных типах застройки, в разной степени удаленности от места работы, в одиночку, с семьей, с родственниками, с представителями своей этнической категории (не родственники), а также проживают с представителями других этнических категорий, находясь при этом в абсолютно разных отношениях правового характера с

местом жительства, т.е. они могут быть, как собственниками жилья или арендаторами, так и проживать на территории работодателя или своих земляков.

Проживая в городе и взаимодействуя с городской средой, мигранты пользуются общегородской инфраструктурой, наравне с местными жителями, посещая те же самые парикмахерские, магазины, торговые центры, парки, аптеки, офисы мобильных операторов и т.д. Но в последние годы мигранты также активно создают свою собственную инфраструктуру, к которой относятся этнические объединения, этно-мигрантские ассоциации, различные посреднические фирмы (агентства по продаже авиабилетов, агентства недвижимости, оформление документов и т.п.), «этнические» СМИ, медицинские центры, кафе и клубы.

Мигрантская инфраструктура не концентрируется в каких-то определенных районах, создавая этнические кластеры, а рассеяна по всей территории города. При этом сам факт формирования мигрантской инфраструктуры можно оценить неоднозначно: её появление и распространение могут служить, с одной стороны, причиной социальной изоляции мигрантов, а, с другой стороны, одним из измерений их социальной интеграции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. International Migration Report, United Nations New York, 2017
2. Virt L. (2005) Getto (glavy is knigi) [Ghetto (Chapters from the Book)]. *Sotsialnye i humanitarnye nauki. Sotsiologiya. Seriya 11*, no 1, pp 126–156; no 2, pp. 114–142.
3. Park R.E. Human Migration and the Marginal Man // *American Journal of Sociology*. 1928. Vol. XXXIII. No. 6. P. 881–893].
4. Бёрджесс Э. Рост города: Введение в исследовательский проект // *Социальные и гуманитарные науки за рубежом*. — 2000. — Т. 11, № 4.
5. Dear M.J., Dishman J.D. (eds.) (2002) *From Chicago to L.A.: Making Sense of Urban Theory*, Thousand Oaks: Sage Publications.
6. Marcuse P., Kempen van R. (eds.) (2000) *Globalizing Cities: A New Spatial Order?* Oxford: Blackwell.
7. Ford L., Klevisser F., Carli F. (2008) Ethnic Neighborhoods and Urban Revitalization: Can Europe Use the American Model? *The Geographical Review*, vol. 98, no 1, pp. 82–102.
8. Valentine, Gill. 2008. ‘Living with Difference. Reflections on Geographies of Encounter’, *Progress in Human Geography* 32 (3): 323–37.
9. Boisvert, Raymond D. 2010. ‘Convivialism: A Philosophical Manifesto’, *The Pluralist* 5 (2): 57–68.
10. Gilroy, Paul. 2004. *Postcolonial Melancholia*. New York: Columbia University Press.
11. Gilroy, Paul. 2006. ‘Multiculture in Times of War: An Inaugural Lecture Given at the London School of Economics’, *Critical Quarterly* 48 (4): 27–45.
12. Gidley, Ben. 2013. ‘Landscapes of Belonging, Portraits of Life: Researching Everyday Multiculture in an Inner City Estate’, *Identities: Global Studies in Culture and Power* 20 (4): 361–76.
13. Vertovec, Steven. 2007. ‘Super-Diversity and its Implications’, *Ethnic and Racial Studies* 30 (6): 1024–54.
14. Back, Les. 1996. *New Ethnicities and Urban Culture: Social Identity and Racism in the Lives of Young People*. London: Taylor and Francis.

15. Hage, Ghassan. 2013. Coughing out the Law: Perversity and Sociality around an Eating Table.
16. van Leeuwen, Bart. 2014. 'Absorbing the Agony of Agonism? The Limits of Cultural Questioning and Alternative Variations of Intercultural Civility', *Urban Studies* 52 (4): 793–808.
17. Karner, Christian and David Parker. 2011. 'Conviviality and Conflict. Pluralism, Resilience and Hope in Inner-City Birmingham', *Journal of Ethnic and Migration Studies* 37 (3): 355–72
18. Simmel, Georg. 1903. 'Die Grosstädte und das Geistesleben'. In *Die Grossstadt. Vorträge und Aufsätze zur Städteausstellung: Jahrbuch der Gehe-Stiftung Dresden*, edited by Theodor Petermann, 185–206. Dresden: Zahn & Jaensch.
19. Goffman, Erving. 1963. *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*. London: Free Press.
20. Дятлов, В. И. Национально-культурные организации в этнической и мигрантской инфраструктуре сибирского города (на примере Томска и Иркутска) / В. И. Дятлов, И. В. Нам // *Идеи и идеалы*. – 2021. – Т. 13. – № 1-2. – С. 283-304. – DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-283-304. – EDN VVJXDH.
21. Малахов, В. С. От сообществк пространству: исследуя изменениягородской среды под влиянием миграций / В. С. Малахов // *Журнал исследований социальной политики*. – 2020. – Т. 18. – № 4. – С. 561-576. – DOI 10.17323/727-0634-2020-18-4-561-576. – EDN IUNVNG.
22. Xiang, Biao & Lindquist, Johan. (2014). *Migration Infrastructure*. *International Migration Review*. 48. S122-S148. 10.1111/imre.12141.
23. Ekaterina Demintseva (2020) *Educational infrastructure created in conditions of social exclusion: 'Kyrgyz clubs' for migrant children in Moscow*, *Central Asian Survey*, 39:2, 220-235, DOI: 10.1080/02634937.2019.1697643
24. Kempf, F. *School Choice and the Children of Migrants: unveiling Everyday Migrantophobia in Moscow* / F. Kempf // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. – 2020. – No 1. – P. 127-151. – DOI 10.25285/2078-1938-2020-12-1-127-151. – EDN OUTUTS.

25. Arrival Infrastructures: Migration and Urban Social Mobilities. Bruno Meeus, Karel Arnaut and Bas van Heur, eds., Cham, 2019: Springer International Publishing, p. 15.
26. Swyngedouw, E. (2018). Governing Newcomers' Conduct in the Arrival Infrastructures of Brussels. *Arrival Infrastructures*.
27. Burchardt, Marian, and Stefan Höhne. 2015. "The Infrastructures of Diversity: Materiality and Culture in Urban Space—An Introduction." *New Diversities* 17 (2): 1–13
28. Sidney, M. (2018). NGOs as Arrival Infrastructures: Pathways to Inclusion for Immigrants in the U.S. and Canada. *Arrival Infrastructures*, p. 54
29. Irrera D. (2013), *NGOs Crisis Management and Conflict Resolution: Measuring the Impact of NGOs on Intergovernmental Organisations*, Edward Elgar, Cheltenham.
30. Irrera D. Migrants, the EU and NGOs: The 'Practice' of Non-Governmental SAR Operations. *ROMANIAN JOURNAL OF EUROPEAN AFFAIRS* Vol. 16, No. 3, September 2016, p. 23
31. D. Irrera, *Humanitarian NGOs and EU emergencies response policy: continuity or change?* in *R/Evolutions*, A. Filipiak, E. Kania, J. Van den Bosch, R. Wiśniewski (eds.), Revolutions Research Center, Poznań, pp. 100-124, 2014
32. G. Nijenhuis & A. Broekhuis, Institutionalising transnational migrants' activities: the impact of co-development programmes, *International Development Planning Review* 32:3/4, 245-65, 2010
33. Meeus, B., van Heur, B., & Arnaut, K. (2018). Migration and the Infrastructural Politics of Urban Arrival. *Arrival Infrastructures*.
34. Ingold, T. 2011. *Being Alive: Essays on Movement, Knowledge and Description*. London: Routledge.
35. Buhr, Fr. (2017). A user's guide to Lisbon: mobilities, spatial apprenticeship and migrant urban integration, *Mobilities*.
36. Hall, S., J. King, and R. Finley. 2016. "Migrant Infrastructure: Transaction Economies in Birmingham and Leicester". *Urban Studies*.
37. Lussault, M., Stock, M. 2010. "'Doing with Space': Towards a Pragmatics of Space". *Social Geography* 5: 11–19

38. Angelo H and Hentschel C (2015) Interactions with infrastructure as windows into social worlds: A method for critical urban studies: Introduction. *City* 19(2–3): 306–312.
39. Jones T, Ram M, Edwards P, et al. (2012) New migrant enterprise: Novelty or historical continuity? *Urban Studies* 49(14): 3159–3176.
40. Friedrichs, J., Galster, G. & Musterd, S. (2003) Neighbourhood effects on social opportunities: The European and American research and policy context, *Housing Studies*, 18(6), pp. 797–806.
41. Muñch, S. (2009) “It’s all in the mix”: Constructing ethnic segregation as a social problem in Germany, *Journal of Housing and the Built Environment*, 24(4), pp. 441–455.
42. Bolt, G., Ozuekren, S. & Phillips, D. (2010) Linking integration and residential segregation, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 36(2), pp. 169–186.
43. Dunn, K. (1998) Rethinking ethnic concentration: The case of Cabramatta, Sydney, *Urban Studies*, 35(3), pp. 503–527.
44. Kaplan, D. & Holloway, S. (2001) Scaling ethnic segregation: Causal processes and contingent outcomes in Chinese residential patterns, *GeoJournal*, 53(1), pp. 59–70.
45. Massey, D. (1985) Ethnic residential segregation: A theoretical synthesis and empirical review, *Sociology and Social Research*, 69 (3), pp. 315–350
46. Massey, D. & Mullan, B. (1984) Processes of Hispanic and black spatial assimilation, *The American Journal of Sociology*, 89(4), pp. 836–873.
47. Portes, A. & Zhou, M. (1993) The new second generation: Segmented assimilation and its variants, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 530 (1), pp. 74–96.
48. Phillips, D. (2006) Parallel lives? Challenging discourses of British Muslim self-segregation, *Environment and Planning D: Society and Space*, 24, pp. 25–40.
49. Ozuekren, S. & van Kempen, R. (2002) Housing careers of minority ethnic groups: Experiences, explanations and prospects, *Housing Studies*, 17(3), pp. 365–379.
50. Dahya, B. (1974) The nature of Pakistani ethnicity in industrial cities in Britain, in: A. Cohen (Ed.) *Ethnicity*, pp. 77–115 (London: Tavistock Publications).

51. Miyares, I. M. (1997) Changing perceptions of space and place as measures of Hmong acculturation, *Professional Geographer*, 49(2), pp. 214–224.
52. Blumberg, L. & Bell, R. (1959) Urban migration and kinship ties, *Social Problems*, 6, pp. 328–333
53. Firey, W. (1945) Sentiment and symbolism as ecological variables, *American Sociological Review*, 10(2), pp. 140–148.
54. Alba, R. & Logan, J. (1991) Variations on two themes: Racial and ethnic patterns in the attainment of suburban residence, *Demography*, 28(3), pp. 431–452.
55. van der Laan Bouma-Doff, W. (2007) Involuntary isolation: Ethnic preferences and residential segregation, *Journal of Urban Affairs*, 29(3), pp. 289–309.
56. Bowes, A., Dar, N. & Sim, D. (2002) Differentiation in housing careers: The case of Pakistanis in the UK, *Housing Studies*, 17(3), pp. 381–399.
57. Ozuekren, S. & van Kempen, R. (2003) Special issue editor's introduction: Dynamics and diversity: Housing careers and segregation of minority ethnic groups, *Housing, Theory and Society*, 20(4), pp. 162–171.
58. Hall, Suzanne M. (2017). Migrant infrastructure: Transaction economies in Birmingham and Leicester, UK. *Urban Studies*, Vol. 54, No. 6 (May 2017), pp. 1311-1327.
59. Noble, Greg. 2013. 'Cosmopolitan Habits: The Capacities and Habitats of Intercultural Conviviality', *Body and Society* 19 (23): 162–85.
60. Park R. E., Burgess E. W. (1925) *The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
61. Berry B. J.L., Rees P. H. (1969) The Factorial Ecology of Calcutta. *American Journal of Sociology*. Vol. 74. No. 5. P. 445—491
62. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении. Часть I//Мониторинг общественного мнения:Экономические и социальные перемены. 2019. No 6. С. 479—504. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.25>.

63. Atkinson R., Kintrea K. (2000) Owner-Occupation, Social Mix and Neighbourhood Impacts. *Policy & Politics*. Vol. 28. No. 1. P. 93—108 цит. по Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Расселение мигрантов в глобальных городах и его детерминанты: Париж, Сингапур, Сидней и Москва в сравнении, с. 484
64. Zubrinsky Ch.C. (2006) Won't You Be My Neighbor: Race, Class, and Residence in Los Angeles? New York: Russell Sage Foundation. цит. по Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Расселение мигрантов ... с. 484
65. Hanhörster, H., & Wessendorf, S. (2020). The Role of Arrival Areas for Migrant Integration and Resource Access. *Urban Planning*, 5(3), p. 6
<https://doi.org/10.17645/up.v5i3.2891>
66. van Kempen, R., & Wissink, B. (2014). Between places and flows: Towards a new agenda for neighbourhood research in an age of mobility. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, 96(2), 95–108 in Hanhörster, H., & Wessendorf, S. (2020)
67. Wilson, K. L., & Martin, W. A. (1982). Ethnic enclaves: A comparison of the Cuban and Black economies in Miami. *American Journal of Sociology*, 88(1), 135–160 in Hanhörster & Wessendorf (2020).
68. Ostendorf, W., & Musterd, S. (2011). Ethnic minorities in Amsterdam: Trapped or mobile? In Hanhörster, H., & Wessendorf, S. (2020). The Role of Arrival Areas for Migrant Integration and Resource Access. *Urban Planning*, 5(3), p. 3
69. Zhou, M. (2009). How neighbourhoods matter for immigrant children: The formation of educational resources in Chinatown, Koreatown and Pico Union, Los Angeles. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 35(7), 1153–1179. <https://doi.org/10.1080/13691830903006168>
70. Ryan, L. (2011). Migrants' social networks and weak ties: Accessing resources and constructing relationships in Hanhörster, H., & Wessendorf, S. (2020)
71. UN Population data <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/countryprofiles.asp>
72. Kashnitsky, Daniel & Demintseva, Ekaterina. (2017). 'Kyrgyz Clinics' in Moscow: Medical Centers for Central Asian Migrants. *Medical Anthropology*. 37. 10.1080/01459740.2017.1417280.
73. Varshaver, Evgeni & Rocheva, Anna. (2018). Localized Migrant Communities in the Absence of Ethnic Neighbourhoods: A Glimpse into Moscow's Ethnic Cafés. *Urbanities*. 8. 42-58. 10.2139/ssrn.3502766.
74. Брызгина, Д. Е., Джанызакова, С. Д., Нам, И. (Ирина) В., Садырин, А. А., & Сметанин, Ф. А. (2019). Трудовые мигранты из Центральной Азии в сибирском городе:

инфраструктура, занятость, повседневность, досуг. *Демографическое обозрение*, 6(4), 31-52. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10426>

75. Ekaterina Demintseva (2017) Labour migrants in post-Soviet Moscow: patterns of settlement, *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 43:15, 2556-2572, DOI: 10.1080/1369183X.2017.1294053

**В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Хасанова Р.Р.

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ